

РЕЦЕНЗИИ

Д. О. Добровольский. Беседы о немецком слове.

М.: Языки славянской культуры, 2013. — 742 с.

Книга Д. О. Добровольского «Беседы о немецком слове» представляет собой объемный труд и отражает современное состояние лингвистических исследований в российской германистике. «Беседы о немецком слове» продолжают традиции, заложенные в российской лингвистике работами таких авторов — назовем лишь немногих, — как К. Г. Крушельницкая [2008], А. Д. Райхштейн [1980], А. Л. Зеленецкий, П. Ф. Монахов [1983]. При всем отличии концепций, целей и задач упомянутых исследований общим для них является сопоставительный подход к описанию языков, тонкий анализ сходств и различий в сравниваемых языках, опирающийся на лингвистические теории, актуальные для времени создания и публикации работ. В своей книге Д. О. Добровольский, следуя традиции, использует современный лингвистический терминологический и понятийный аппарат, отражающий положения лексико-семантических теорий, прагматики, теории перевода, грамматики конструкций, а также методы когнитивной и корпусной лингвистики. Привлечение положений смежных лингвистических направлений позволяет автору описать широкий круг языковых феноменов, способы их формализации и представления в лексикографической практике.

Композиционно книга состоит из главы, носящей вводный характер (глава 1), и двух больших частей, связанных друг с другом общей логикой исследования. В первой части автор концентрируется на проблемах лексикографи-

ческого описания слова (глава 2), использования корпуса параллельных текстов в целях исследования лексической семантики сопоставляемых языков (глава 3), а также на вопросах межкультурной эквивалентности (глава 4). Вторая часть книги посвящена некоторым специфическим немецким конструкциям (глава 5), структуре и семантике фразеологии (глава 6), проблемам сопоставительной фразеологии немецкого и русского языков (глава 7) и представлению фразеологии в лексикографической практике (глава 8). Главы дробятся автором на параграфы, в которых теоретические положения предваряют анализ конкретных языковых явлений. Результаты анализа резюмируются в выводах после каждого параграфа. В «Беседах о немецком слове» часть материала написана по-русски, часть — по-немецки, что является достоинством монографии, так как знакомит читателя с терминологическими соответствиями в русской и немецкой лингвистических традициях.

Вводная глава (глава 1) содержит обзор лингвистических теорий, возникших в Германии в XIX—XX вв. Отправную точку образует исторический экскурс, содержащий сжатое изложение взглядов В. фон Гумбольдта, который, по мнению Э. Кассирера [2011: 75, 83—90], опирался на философию Канта и вслед за Аристотелем и Гердером рассматривал язык как деятельность. Подобное представление было новым в науке о языке первой половины XIX в., когда язык — с опорой на традиции антично-

сти, Средних веков и Нового времени — понимался как продукт деятельности, описываемый множеством грамматических правил и содержащий массив слов.

Анализируя влияние лингвофилософии В. фон Гумбольдта на последующие поколения филологов в Германии, России и США, автор книги кратко рассматривает американскую и немецкую «ветви» неогумбольдтианства, а затем переходит к изложению основных положений теории семантического поля в концепции Й. Трира. Глава завершается определением понятия «семантический признак», который понимается как «конструктивный элемент языкового знака», и рассмотрением преимуществ и недостатков метода семантической декомпозиции, опирающегося на идею о том, что значение языкового знака обладает определенной структурой и «принципиально членимо на более элементарные составляющие» [с. 25].

Первая часть «Бесед о немецком слове» начинается с изложения принципов лексикографического описания слова, легших в основу [НБНС], — ввод в описание новых (по сравнению с традиционной лексикографией) категорий и субкатегорий, характеризующих различные морфосинтаксические классы слов, ориентация на системную подачу материала внутри каждого семантического класса и др. Эти принципы проиллюстрированы на примерах частиц *ja, mal, nur, aber*, наречий *sehr, höchst, wenig, besonders, jemals, davon/wovon, allerdings, schließlich*, местоимения *jeglicher*, местоименных наречий, грамматических фразеологем.

Двуязычная лексикографическая практика, способствуя выработке принципов составления словарей, вынуждает лексикографов решать нетривиальные лексико-семантические задачи, связанные с отбором слов и их толкованием в словнике, с межъязыковым сходством/раз-

личием в значении и употреблении слова в языке оригинала и языке перевода, а также адекватным отражением этой информации в словарной статье. К традиционным проблемам составления двуязычных словарей относятся также способы представления полисемии, омонимии, синонимии и антонимии в исходном языке и языке перевода, стилистическая дифференциация лексики и указание контекстов употребления. В главе 2 на примере лексических единиц, относящихся к разным морфологическим разрядам, показано, как были решены эти задачи в НБНС. Так, в частности, описание семантических различий в употреблении синонимичных пар *beleidigen — kränken* в немецком и *обидеть — оскорбить* в русском языке и их лексических дериватов основано на идее выделенности (или профилированности) отдельных семантических признаков в противоположность другим признакам, которыми обладают немецкие и русские пары глаголов.

В главе 3 основное внимание уделено вопросам использования корпусов параллельных текстов в таких сферах, как составление двуязычных словарей, преподавание немецкого языка и перевод. Автор начинает главу с описания задач, принципов построения и состава немецко-русского и русско-немецкого корпуса параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка. Возможности работы с корпусом параллельных текстов показаны на примерах того, как функционируют в немецком и русском языках лексические единицы *nein — нет*, пространственно-дейктические элементы *hin u her* и их русские соответствия и какие эквиваленты русским *чрезвычайно* и *замечательный* имеются в немецком.

Данные корпусной лингвистики позволяют описать лингвоспецифическую лексику немецкого и русского языков. Теоретическим основанием для подобных

исследований выступают следующие положения [с. 237]:

— лингвоспецифическая лексика связана не только с реалиями, но и с непредметными семантическими классами;

— динамика узуса влияет на комбинаторный потенциал лексических единиц, их прагматические и семантические характеристики.

В качестве иллюстрации приводится сопоставительный анализ русского глагола *усмехаться/усмехнуться* и его немецких эквивалентов. Показано, что русский глагол в настоящее время чаще употребляется как семиотический, а его немецкие эквиваленты — как мимические глаголы, что нередко затрудняет его адекватный перевод на немецкий язык. Этот сопоставительно-лексикографический экскурс завершается указанием на перспективы исследований динамики узуса, связанные с построением типологии языковых изменений и анализом стоящих за ними механизмов в обоих языках.

Далее Д. О. Добровольский переходит к анализу приемов, используемых при переводе на немецкий язык такого культурно-специфичного пласта лексики, как русские обращения. Специфика лексики с вокативным потенциалом формируется национальным культурным пространством и в межкультурном аспекте является нетривиальной сферой исследования. Общим для лексических единиц, функционирующих как обращения, является их ситуативная обусловленность, маркирование социального статуса говорящих и отражение совокупности конвенций, принятых в том или ином культурном пространстве. В качестве материала для сопоставительного исследования обращений Д. О. Добровольский использует параллельные русско-немецкие тексты произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и других авторов. Корпус параллельных текстов,

как следует из этого анализа, служит надежным источником информации о культурно-специфичных режимах употребления вокативов, позволяя установить, в частности, какие приемы и трансформации используются при передаче русских обращений на немецкий язык, и подобрать функционально адекватные эквиваленты.

Глава 4 посвящена лингвистическим аспектам перевода русских литературных текстов на немецкий язык. Здесь Д. О. Добровольский обращается к таким темам, как различия в категоризации и структуре русского и немецкого языков, расхождения в прагматических конвенциях, типы и модусы перевода. Значительную часть этой главы составляет анализ переводческих трудностей, связанных с нестандартным словоупотреблением у А. С. Пушкина, фразеологией в прозаических текстах А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Главой 4 Д. О. Добровольский завершает сопоставительное рассмотрение слова как единицы в лексической системе немецкого и русского языков.

Во второй части монографии рассматриваются языковые единицы большие, чем слово. Так, в главе 5 исследуются в сопоставительном аспекте немецкие конструкции с глаголами движения *fahren, fliegen, gehen, laufen, schwimmen*, обстоятельственно-временные конструкции, а также конструкции *vor sich hin* и *vor sich her*.

В сравнении с русскими эквивалентами немецкие глаголы движения *fahren, fliegen, schwimmen* характеризуются структурной многозначностью, обусловленной их переходным употреблением, когда глагол обозначает не только движение, но еще и каузацию движения (например: *er kann Auto fahren* — 'он умеет водить машину'). Другой типологической особенностью немецких глаголов с семантикой движения в сравнении с русскими является то, что

они могут использоваться и при смещении фокуса с самого движения на «сопутствующие ему моменты», такие как цель передвижения в пространстве, объекты, на которые при движении оказывается воздействие и проч., например: *schnell laufen* — *быстро бегать/бежать*, *sich warm laufen* — *согреться от бега*, *Schi laufen* — *ходить на лыжах*, *einen neuen Weltrekord laufen* — *установить новый мировой рекорд в беге*. В русском языке при изменении аргументной структуры часто происходит смена глагола.

Исследование Д. О. Добровольским конструкций *vor/seit/nach* + [квантификатор] + существительное со значением отрезка времени и [квантификатор] + существительное со значением отрезка времени + *danach* в сопоставительном ключе показывает, что, в отличие от русского языка, квантификатор в немецких конструкциях является факультативным элементом, если существительное употребляется во множественном числе. В этом случае сама грамматическая форма множественного числа передает идею множественности: *seit Wochen* — *vor Wochen*. Если квантификатор употребляется в конструкции, то морфологически он может быть выражен в немецком языке неопределенным артиклем, прилагательным (*viele*) или местоимением со значением неопределенного множества (*einige*, *wenige*, *mehrere*). Структурное сходство, связанное с наличием/отсутствием квантификатора в подобных конструкциях, демонстрируют следующие немецкие и русские выражения: *Jahre danach* — годы спустя, *einige Zeit danach* — спустя какое-то времени. Значительное внимание в исследовании конструкций с обстоятельством-временной семантикой уделено комбинаторному потенциалу квантификаторов и обусловленным им семантическим различиям.

В этой же главе обсуждается связь грамматики конструкций и фразеологии. Как пишет Д. О. Добровольский, отправной точкой является представление о том, «что синтаксические схемы часто безразличны к своему лексическому наполнению и что для полного описания синтаксиса необходимо учитывать нерегулярные феномены, часто напоминающие устойчивые сочетания слов, традиционно изучаемые в рамках фразеологии» [с. 416]. Языковыми единицами, изучение которых находится в зоне пересечения синтаксиса и лексики, являются фразеологизмы-конструкции, которые определяются как синтаксически автономные выражения устойчивого состава с некоторыми пропущенными в них элементами (актантами — обычными (X) или пропозициональными (P)), такие как: *eine Seele von Mensch*, *ein Betonklotz von einem Hotel*; *So ein Glück!*; *Welch eine Freude!*; *es ist zum Verrückt werden* и проч.

Анализ функционирования идиом в конкретных текстах выявляет зависимость семантики идиомы от контекста ее употребления, что осмысливается в грамматике конструкций как конструктивное «принуждение» (coercion). Это явление проиллюстрировано на примере русской идиомы (*чье-л.*) *дело десятое* и ее немецких эквивалентов. Далее рассматриваются немецкие конструкции *vor sich hin* и *vor sich her*, описывается их комбинаторно-семантический профиль, для конструкции *vor sich hin* указываются омонимичные конструкции и приводится типология глаголов, которые сочетаются с данной конструкцией. В параграфе, где обсуждаются данные конструкции, как представляется, было бы интересно привлечь к анализу и строфу из стихотворения Гёте «Gefunden»:

Ich ging im Walde
So für mich hin,
Und nichts zu suchen,
Das war mein Sinn.

Следующие три главы посвящены фразеологии. В главе 6 рассматриваются вопросы, связанные со структурой и семантикой фразеологических единиц. В этой главе автор обсуждает феномен семантической членности идиом, пишет о вариативности фразеологических единиц и приводит типологию модификаций фразеологизмов, подробно останавливаясь на возможности пассивизации немецких фразеологических единиц. Глава 7 посвящена истории изучения немецкой фразеологии в сопоставлении с русской. Перечисляются типы межъязыковой эквивалентности в традиции сопоставительных исследований, обсуждается понятие эквивалентности во фразеологии, которое оказывается различным в переводе и в системе языка. Последняя глава «Бесед о немецком слове» рассматривает круг проблем, относящихся к отражению фразеологии в двуязычных словарях. Двуязычная лексикографическая практика исходит из двух аспектов межъязыковой эквивалентности: эквивалентности в переводе и эквивалентности в системе языка. По мнению Д. О. Добровольского, лексикография должна ориентироваться на функциональную эквивалентность. Автор определяет функциональные эквиваленты «как максимально близкие по актуальному значению и — в идеальном случае — по внутренней форме единицы, которые могут использоваться в аналогичных типах ситуаций без информационных потерь, причем это совершенно не обязательно отношение “фразеологизм — фразеологизм”» [с. 665]. Стратегии нахождения функциональных эквивалентов и их фиксация в словарях могут опираться на употребление фразеологизмов в текстах — т. е. обнаруживать вектор анализа от *речи* к *языку* — или сопоставлять фразеологические системы с учетом аутентичных текстов — т. е. следовать от *языка* к *речи*.

Название книги — «Беседы о немецком слове», — не сковывая автора в выборе обсуждаемых тем и привлекаемых теоретических положений, настраивает читателя на обсуждение самого широкого спектра лингвистических вопросов в лингвофилософском ключе, тем более что первая глава начинается с обсуждения воззрений В. фон Гумбольдта на язык и рецепции его идей лингвистами XX века. Кратко анализируя европейскую и американскую ветви неогумбольдтианства, Д. О. Добровольский не ограничивается изложением основных положений и упоминает о критике этого направления в лингвистике, в частности, в работах Р. А. Будагова и В. В. Виноградова, которая отчасти была идеологически окрашенной.

Выведение за рамки «Бесед о немецком слове» широкого культурно-филологического контекста, в котором возникли концепции Й. Трира и Л. Вайсгербера, и более детального обсуждения того, как воспринимались их работы языковедами в СССР, несколько обедняет содержание книги и не раскрывает динамику в рецепции идей неогумбольдтианства в России на протяжении XX века¹. И хотя жанр рецензии — по определению — также не предполагает освещение данного вопроса в сколько-нибудь значимом объеме, все же укажем, что в лингвистическом аспекте идеологически маркированным и отрицательным оценкам теорий Й. Трира и Л. Вайсгербера в официальном советском языкознании можно противопоставить работы, в основе которых лежит именно теория семантических полей, такие как [Кузне-

¹ Так, в начале XX века идеи В. фон Гумбольдта о языке как созидающем процессе, обусловленном бессознательной энергией, нашли творческое развитие в работах Г. Г. Шпета и А. Ф. Лосева, идеи которых не принимались официальным советским языкознанием.

цова 1963; Филичева 1968; Гулыга, Шендельс 1969]. В книге Г. С. Щура представлен глубокий анализ основных концепций поля и исходных посылок, приведших к возникновению в лингвистике понятия «поле» [Щур 1974: 7].

Мысль о том, что существуют закономерности в семантических связях между языковыми единицами, т. е. о системном характере лексики, высказывалась в языкознании еще до работы Й. Трира. Так, например, Р. Мейер в статье, опубликованной в 1910 г., выделил семантические поля и дифференцирующие факторы, которые позволяют относить слова к тому или иному полю [Васильев 1971; Щур 1974; Ipsen 1924].

Предварительные рассуждения о том, что к языку применима идея поля, можно обнаружить и у Ф. де Соссюра, который, рассматривая язык как систему, указывал на то, что значимость слова, т. е. языкового знака, определяется наличием других слов, которые (вместе с ним) образуют систему как целое. Чтобы определить значимость слова, необходимо учитывать два уровня: с одной стороны, внутреннюю структуру самого языкового знака, а с другой — отношение данного языкового знака к другим знакам [Соссюр 1977: 147—148].

Именно эти идеи Й. Трир положил в основу своей теории семантического поля, согласно которой слово существует не изолированно в языковой системе, а образует поле с близкими по смыслу понятиями и словами, которые определенным образом членят семантический континуум данного поля: «Die Worte im Feld stehen in gegenseitiger Anhängigkeit voneinander. Vom Gefüge des Ganzen her empfängt das Einzelwort seine inhaltliche begriffliche Bestimmtheit» [Trier 1931: 2]. Развивая свою теорию, Й. Трир исходил из изоморфизма понятий и слов, и поэтому разделил систему языка на понятийные (Begriffsfelder) и словесные поля (Wortfelder).

Само понятие «поле» Й. Трир заимствовал у Г. Ипсена [Ipsen 1924]. Теория семантических полей Й. Трира была первой попыткой создания структурной лексикологии. Помимо Й. Трира, теории семантических полей были также разработаны В. Порцигом [Porzig 1973] и Андре Жоллем [Jolles 1973].

Подводя итог, можно сказать, что «Беседы о немецком слове» отражают многолетний опыт лингвистических исследований, проводимых Д. О. Добровольским, и продолжают традицию контрастивных исследований в России. Обширный материал и глубокий анализ, содержащийся в книге, будет по достоинству оценен всеми, кто профессионально занимается немецким языком, — лингвистами, преподавателями и переводчиками.

Л и т е р а т у р а

Васильев 1971 — Л. М. В а с и л ь е в. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105—113.

Гак 1966 — В. Г. Г а к. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М., 1966.

Гак 2004 — В. Г. Г а к. Русский язык в сопоставлении с французским. 3-е изд. М., 2004.

Гулыга, Шендельс 1969 — Е. В. Г у л ы г а, Е. И. Ш е н д е л ь с. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.

Зеленецкий, Монахов 1983 — А. Л. З е л е н е ц к и й, П. Ф. М о н а х о в. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.

Кассирер 2011 — Э. К а с с и р е р. Философия символических форм. Т. 1: Язык. М., 2011.

Крушельницкая 2008 — К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. 3-е изд. М., 2008.

Кузнецова 1963 — А. И. Кузнецова. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.

НБНС — Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т. / Под общ. рук. Д. О. Добровольского. М., 2008—2010.

Райхштейн 1980 — А. Д. Райхштейн. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31—269.

Филичева 1968 — Н. И. Филичева. Методика «семантического синтаксиса» и возможности ее применения при анализе языкового материала // Ученые записки МГПИИЯ. Т. 46. М., 1968. С. 211—226.

Щур 1974 — Г. С. Щур. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

Ipsen 1924 — G. Ipsen. Der Alte Orient und die Indogermanen // Friedrich J. et al. (Hrsg.). Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streitberg. Heidelberg, 1924.

Jolles 1973 — A. Jolles. Antike Bedeutungsfelder // Schmidt L. (Hrsg.), Über Wort- und Begriffsfelder. Wortfeldforschung. Darmstadt, 1973. S. 104—115.

Porzig 1973 — W. Porzig. Wesentliche Bedeutungsbeziehungen // Schmidt L. (Hrsg.), Über Wort- und Begriffsfelder. Wortfeldforschung. Darmstadt, 1973. S. 78—103.

Trier 1931 — J. Trier. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Einleitung. Bd. 1. Heidelberg, 1931.

Ю. В. Работкин

Рецензия поступила 12.04.2016

Received 12.04.2016